

Тени южной ночи

Виталий Моисеенко

Виталий Моисеенко

Тени южной ночи

<https://litres.ru/74534922>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не просто детектив — это история о людях, которые находят свет в самых тёмных обстоятельствах. О том, что тени прошлого отступают перед любовью, памятью и жизнью. Книга оставляет читателя с ощущением, что даже после самой длинной ночи наступает рассвет.

Виталий Моисеенко

Тени южной ночи

Глава 1. Воздух, который можно резать ножом

Август на юге — это не просто месяц. Это диагноз.

Воздух к концу месяца становился таким густым, сладким и тяжелым, что его, казалось, можно было резать ножом, как остывший домашний торт. Он пах разогретой на солнце хвоей, переспелым инжиром, соленой пылью и чем-то еще — тем самым неуловимым запахом южной ночи, который сводит с приезжих с ума, а местных вгоняет в ступор.

Ева отложила шпатель, вытерла тыльной стороной ладони лоб и тут же поняла, что совершила ошибку. На лбу, поверх легких морщинок, которые в свои тридцать четыре она честно пыталась игнорировать, остался белый след от известковой пыли.

— Господи, — выдохнула она, глядя на свое отражение в мутном стекле старинного окна. — На кого я похожа? На привидение из оперетты.

Привидение, между прочим, страдало. Спина ныла так, будто Ева не реставрировала мозаику в чьей-то безумно дорогой вилле, а таскала мешки с цементом. Волосы, которые утром она собрала в аккуратный пучок, теперь выбились из резинки и прилипли к шее влажными, темными прядями. А еще Ева поняла, что смертельно, катастрофически хочет

есть. Не просто есть, а съесть что-нибудь совершенно невозможное: например, холодный арбуз, посыпанный солью, или кусок горячей пиццы с двойным сыром.

Но на вилле «Лазурный берег», принадлежащей некоему Виктору Павловичу Громову — человеку, чье состояние исчислялось нулями, а репутация шепотками за спиной, — не было ни пиццы, ни арбуза. Был только бесконечный, давящий зной и мозаика второго века нашей эры, которую Ева по крупичкам возвращала к жизни в зимнем саду.

Она подошла к маленькому столику, на котором стоял графин с теплой, как из-под крана в бане, водой, и налив себе стакан. Вода была невкусной. Ева скривилась, но выпила.

— Еще восемь часов, — сказала она вслух, глядя на фрагмент мозаичного пола.

Там, среди *tesserae* — маленьких камешков смальты и мрамора, проступал профиль античной нимфы. Ева любила эту нимфу. Нимфа смотрела в сторону с чуть заметной, печальной усмешкой, будто знала какой-то секрет, который унесет с собой в могилу. Ева понимала нимфу. У них было много общего: обе они застыли в чужом доме, обе молчали, и обе знали, что когда-нибудь этот дом рухнет, а они останутся лежать под слоем пыли и чужих тайн.

Внезапно тишину виллы разорвал звук.

Это был не грохот и не крик. Это был тихий, почти деликатный звон. Как будто кто-то уронил на мраморный пол серебряную ложку.

Ева вздрогнула, и стакан чуть не выпал из ее рук. Она замерла, прислушиваясь. Сердце, до этого лениво перебиравшееся в ритме «жара-дремота», вдруг сделало резкий, болезненный скачок.

— Виктор Павлович? — позвала она. Голос прозвучал пискляво и неуверенно.

Тишина. Только где-то за толстыми стенами зимнего сада шумело море — глухо, ритмично, равнодушно.

Ева посмотрела на часы. Четыре часа дня. Громов должен был прийти ровно в четыре, чтобы, как он выразился вчера, «оценить прогресс и выпить бокал просекко». Но Громов опаздывал. И звон... этот странный, хрупкий звон.

«Не твое дело, — сказал внутренний голос, тот самый, который обычно отвечал за самосохранение и за то, чтобы Ева не влезала в неприятности. — Сиди тут. Пей теплую воду. Жди».

Но Ева уже ставила стакан. Она вытерла руки о джинсы, оставив на них новые белые разводы, и вышла из зимнего сада в прохладный, полутемный коридор. Вилла была огромной, построенной в девяностых в стиле «богатый кич»: мрамор, лепнина, золоченые перила. Ева всегда чувствовала себя здесь неуютно, как чужая кошка, забредшая во дворец.

Она пошла по коридору, ступая мягко, хотя ее кеды и так почти не шумели. Дверь в кабинет Громова была приоткрыта.

— Виктор Павлович, вы тут? — спросила она, заглядывая

внутри.

Кабинет был пуст. На массивном столе из красного дерева стоял ноутбук, рядом — пепельница с недокуренной сигарой. Воздух здесь пах дорогим табаком, кожей и... чем-то еще. Ева нахмурилась. Этот запах был резким, металлическим, перебивающим даже тяжелый аромат сигары.

Она вышла в холл и направилась к стеклянным дверям, ведущим в закрытую веранду. И тут она увидела его.

Виктор Павлович Громов сидел в плетеном кресле лицом к морю. Он был одет в льняной белый костюм, который сейчас выглядел безупречно, если не считать одной детали.

Ева сделала шаг вперед. Потом еще один. Ее ноги вдруг стали ватными, а в висках застучала кровь, так громко, что она заглушила шум моря.

Громов не двигался. Его голова была слегка откинута назад, рот приоткрыт, будто он собирался что-то сказать, но передумал. А на его груди, прямо на идеально белоснежной рубашке, распласталась она.

Морфо. Огромная, переливчато-синяя бабочка, приколотая к ткани тонкой серебряной булавкой.

Ева моргнула. Мозг отказывался обрабатывать картинку. Бабочка? Какая бабочка? Откуда в закрытой веранде морфо? И почему... почему Виктор Павлович не дышит?

Она подошла ближе. Тень от ее фигуры упала на его лицо. Кожа Громова была не просто бледной — она приобрела тот самый восковой, сероватый оттенок, который Ева видела

только в моргах, когда реставрировала старые фотографии для полиции. Глаза были открыты, но смотрели не на море. Они смотрели сквозь нее, сквозь стены виллы, куда-то в бесконечную, темную пустоту.

Еву затошнило. Это было не просто чувство страха. Это было физическое отторжение реальности. Мир, который секунду назад состоял из жары, пыли, мозаики и желания съесть арбуз, рухнул. Вместо него возникла холодная, липкая реальность смерти.

Она попятилась, спиной налетев на стеклянную дверь. Дверь глухо стукнула.

Громов не шевельнулся. Синие крылья бабочки на его груди, казалось, слабо мерцали в полумраке веранды.

— О боже, — прошептала Ева. Голос ее дрогнул и сорвался. — О боже, о боже...

Она развернулась и побежала. Бежала через холл, через коридор, не чувствуя ног, не чувствуя, как пыль с ее джинсов оседает на безупречном паркете. Влетела в зимний сад, схватила телефон со стола. Пальцы не слушались. Они были холодными и чужими.

«Скорая? Полиция? Кому звонить? Сначала скорая, а потом полиция? Или наоборот?»

Она нажала на экстренный вызов, который был забит в память телефона.

— Служба спасения, что у вас случилось? — ответил сонный, равнодушный женский голос.

— Убили, — выдохнула Ева, сползая по стене на прохладный мозаичный пол. — У меня тут... у меня тут убили человека. И... и приколотили бабочку.

На том конце провода повисла тишина. Равнодушие испарилось.

— Где вы находитесь, гражданка?

Ева назвала адрес. Телефон выпал из ее рук. Она обняла колени, прижалась лбом к холодным камешкам мозаики и закрыла глаза. Нимфа из пола смотрела на нее с той же печальной усмешкой. «Я же говорила», — казалось, читалось в ее каменном лице. «Я же говорила, что этот дом проклят».

Ева не плакала. Она просто дрожала. Мелкой, частой дрожью, от которой стучали зубы. И в этот момент она поняла, что ее тихая, размеренная, пусть и одинокая жизнь только что закончилась. Началась другая. Темная, как южная ночь без луны.

Глава 2. Сквозняк из прошлого

Следователь Глеб Сергеевич Ковригин ненавидел август.

В это время года в городе сходили с ума не только туристы, но и местные. Жара действовала на нервы как дешевый стимулятор: люди ссорились из-за мест на пляже, резали соседей за громкую музыку и, что хуже всего, убивали друг друга с завидным постоянством.

Глеб припарковал свою выдавшую виды «Ниву» у ворот виллы «Лазурный берег» и тяжело вздохнул, вытирая со лба пот. Рубашка, которую он утром посчитал достаточно све-

жей, теперь предательски липла к спине.

— Ну и денек, — пробормотал он, вылезая из машины.

На крыльце его уже ждал участковый, молодой парень по фамилии Соколов, который выглядел так, будто вот-вот потеряет сознание от жары и увиденного.

— Глеб Сергеевич, — Соколов глотнул воздуха, — там... там внутри женщина. Свидетельница. Она, кажется, не в себе. И... там тело. Хозяин виллы. Громов Виктор Павлович.

Глеб поморщился. Громова он знал. Знаком был, так сказать, заочно. Местный «бизнесмен», чьи связи тянулись из девяностых в нулевые, а из нулевых — в настоящее. Человек, который умел делать деньги из воздуха и исчезать, когда начинались проверки. И вот теперь этот человек сидел мертвый на веранде.

— Кто нашел? — спросил Глеб, доставая из кармана платок и вытирая шею.

— Реставраторша. Мозаику ему чинила. Ева... Ева Линская. Она в зимнем саду. Я ее туда посадил, воды дал.

Глеб кивнул и шагнул в прохладу виллы. Контраст температур был таким резким, что его аж передернуло. В воздухе висел запах кондиционера, дорогой парфюмерии и... того самого, тошнотворно-сладковатого запаха, который Глеб научился узнавать с закрытыми глазами. Запах смерти.

Он прошел в зимний сад.

На плетеном диване, обхватив колени руками, сидела женщина. Она была вся белая от известковой пыли, как при-

видение. Волосы растрепаны, на щеке — размазанная слеза, смешанная с пылью. Она смотрела в одну точку на полу.

— Ева Линская? — тихо спросил Глеб.

Женщина медленно подняла глаза. Глаза у нее были огромные, темные, сейчас в них плескался такой первобытный ужас, что Глебу на секунду стало не по себе. Но он привык. Он видел этот ужас сотни раз.

— Это я, — ее голос был хриплым. — Вы... вы полиция?

— Следователь Ковригин. — Глеб достал блокнот. — Расскажите, что произошло. Только медленно. И не смотрите на веранду, смотрите на меня.

Ева перевела взгляд на его лицо. Кажется, она впервые его по-настоящему разглядела. Высокий, худощавый, с глубокими морщинами у глаз, которые выдавали в нем человека, спящего по три часа в сутки.

— Я... я работала, — начала она, и ее голос задрожал. — Я чинила мозаику. Было тихо. Потом я услышала звон. Как будто упала ложка. Я пошла посмотреть... Виктор Павлович сидел в кресле. Он... он не дышал. А на груди...

Она запнулась, судорожно сглотнула.

— Что на груди, Ева? — Глеб говорил мягко, почти ласково, хотя внутри у него все сжалось. Он знал, к чему она клонит.

— Бабочка, — прошептала она. — Синяя. Огромная. Приколота булавкой. Прямо к рубашке.

Глеб переглянулся с Соколовым. Тот растерянно моргнул.

— Бабочка? — переспросил Глеб. — Вы уверены? Может, это брошь?

— Я реставратор, следовательно, — Ева вдруг выпрямилась, и в ее голосе прорезались металлические нотки. — Я работаю с мельчайшими деталями. Я отличаю смальту от стекла, а мрамор от кварца. Это не брошь. Это насекомое. Морфо. И булавка серебряная, с круглой головкой.

Глеб закрыл блокнот.

— Хорошо. Посидите здесь. Никуда не уходите. Соколов, проследи, чтобы никто не входил и не выходил.

Он направился к веранде. Перед тем как открыть стеклянную дверь, он на секунду остановился. Глеб не был суеверным, но за годы работы он научился чувствовать «место». Преступление всегда оставляло след, невидимый глазу, но ощутимый кожей. От веранды веяло холодом, хотя термометр показывал плюс тридцать.

Он толкнул дверь.

Громов сидел так, как описала Ева. Белый костюм, откинута голова. И да. На груди, идеально по центру, сияла переливчато-синим крылатками морфо.

Глеб подошел ближе, доставая перчатки из кармана. Он наклонился, рассматривая бабочку. Она была идеальной. Ни единого повреждения на крыльях. И булавка... Ева была права, серебряная, с аккуратной круглой головкой.

Но больше всего Глеба поразило не это.

Он наклонился к лицу Громова. Запах металла и горько-

го миндаля. Цианид? Нет, горький миндаль пах слабее. Это было что-то другое.

Глеб внимательно посмотрел на руки мертвеца. Правая рука лежала на подлокотнике. В пальцах был зажат бокал. В бокале — прозрачная жидкость.

Глеб осторожно взял бокал, понюхал. Вода. Обычная, чистая вода. Но на дне бокала, среди капель, плавал крошечный, почти незаметный лепесток. Белого жасмина.

— Что за черт, — прошептал Глеб.

Он выпрямился и обвел взглядом веранду. Все было слишком идеально. Слишком театрально. Синяя бабочка на белом костюме. стакан воды с лепестком жасмина. Это не было похоже на обычное убийство. Это было похоже на послание. На ритуал.

Глеб повернулся и вышел из зимнего сада обратно к Еве. Она не изменила позы, но теперь она смотрела на свои руки, испачканные в белой пыли, и тихо, почти беззвучно шептала что-то себе под нос.

Глеб сел на диван рядом с ней. Диван скрипнул. Ева вздрогнула и посмотрела на него.

— Ева, — сказал Глеб тихо. — Вы говорили, что Громов должен был прийти к вам в четыре.

— Да.

— А кто еще был на вилле?

Ева задумалась. Ее брови слегка сошлись к переносице, разгоняя белую пыль.

— Никого. Он сказал, что уехал в город по делам, а я могу работать одна. Он вообще не любил, чтобы тут были люди. Говорил, что вилла должна «дышать».

— А ключи? У кого ключи?

— У меня есть один комплект. Он дал мне вчера. А второй... второй был у него. И, кажется, у его управляющей. Но она живет в доме для прислуги, через весь участок. Она сегодня не вышла, я ее не видела.

Глеб кивнул.

— Ева, я задам вам странный вопрос. — Он посмотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде не было ни капли иронии. — Вы когда-нибудь видели Громова с кем-то, кто коллекционирует бабочек? Или... кто-то дарил ему цветы жасмина?

Ева посмотрела на него так, будто он задал ей вопрос на языке суахили.

— Следовательно, вы думаете, я должна это знать? Я его видела три раза. Первый раз, когда он нанимал меня. Второй — когда платил аванс. И третий — вчера, когда он принес мне чай. Он... он был просто клиентом. Богатым, немного высокомерным, но вежливым.

— Ладно, — Глеб встал. — Вам нужно к врачу. Осмотреть тело, зафиксировать...

— Нет, — Ева тоже встала. И вдруг, к своему собственному удивлению, она поняла, что не хочет уходить. Не хочет оставлять этот дом.

— Почему? — нахмурился Глеб.

— Потому что, — Ева сглотнула, подбирая слова. — Потому что эта бабочка... она не просто так. Я чувствую это. Вы же видели мозаику? Там есть трещина. Кто-то специально ее сделал. Недавно. И эта бабочка... она как часть узора. Кто-то складывает картину, следовательно. И я боюсь, что я... я в ней тоже есть.

Глеб смотрел на эту странную, пыльную, нелепую женщину и думал о том, что жара действительно делает людей ненормальными. Но в то же время он чувствовал, что она права. Интуиция, та самая, которая за десять лет ни разу его не подвела, тихо, но настойчиво звенела в голове.

— Хорошо, — сказал он неожиданно для себя. — Вы остаетесь. Но вы будете под моим присмотром. И если вы хоть что-то скрываете, Линская...

— Я ничего не скрываю, — перебила она, и в ее глазах вдруг мелькнул огонек. Не страх. Вызов. — Я просто вижу слои. Как в мозаике. Сначала вы видите верхний камень. Но если поскрести...

— Не надо ничего скрести, — жестко сказал Глеб. — Просто сидите тихо.

Он вышел в холл, доставая телефон. Нужно было вызывать опергруппу, криминалистов, патологоанатома. И нужно было пробивать Виктора Павловича Громова по полной программе. Потому что Глеб вдруг понял: это убийство не было спонтанным. Это было спланировано. Тщательно, красиво и жестоко.

А где-то за стенами виллы шумело море. И теплый южный ветер, залетев в приоткрытое окно, шевелил лепесток белого жасмина, лежащий на краю стола в кабинете мертвеца.

Глава 3. Квартира на улице Виноградской, дом 7

Ева ехала в маршрутке, и маршрутка эта пахла так, будто в ней одновременно перевозили мокрую собаку, чипсы с крабом и чье-то отчаяние.

Она сидела у окна, прижавшись лбом к горячему стеклу, и смотрела, как за окном проплывает южный город. Августовский вечер не принес облегчения — асфальт все еще дышал дневным зноем, фонари горели каким-то болезненно-желтым светом, а из открытых окон доносились звуки телевизоров, ругань, смех, плач ребенка. Жизнь. Обычная, громкая, непобедимая жизнь, которая продолжалась, несмотря на то, что на вилле «Лазурный берег» только что умер человек.

Ева чувствовала себя предательницей. Она ехала домой, мыть руки, пить чай и, может быть, даже включить сериал — а человек остывал там, в морге, с синей бабочкой на груди.

«Ты не виновата, — говорил ей внутренний голос. — Ты его не убивала».

«А вдруг я что-то не заметила? — возражал другой голос, тихий и противный. — Вдруг ты прошла мимо чего-то важного, и теперь из-за тебя убийца уйдет?»

Ева закрыла глаза. Перед ними снова вставала та картина: белый костюм, откинута голова, синее сияние крыльев. И этот запах... не смерти, нет. Смерть пахла иначе — холодно и

пусто. А от Громова пахло чем-то сладким, удушающим. Как от засахаренных фруктов, которые забыли в вазе на солнце.

Маршрутка затормозила у её остановки. Ева вышла, и ноги её подкосились — не от страха, а от усталости. Такой усталости, когда тело весит в десять раз больше обычного, а душа и вовсе стала невесомой, как пух одуванчика.

Её дом — старый трехэтажный фонд, построенный еще при Сталине, с толстыми стенами, лепниной на потолках и вечно текущими трубами — стоял в конце улицы Виноградной. Улицу называли так не случайно: когда-то здесь, вдоль тротуаров, росли настоящие виноградные лозы, оплетая деревянные арки. Теперь от них остались только сухие, скрюченные стебли, но название прижилось, и даже новые жители, которые селились здесь в последние годы, называли улицу не иначе как «Виноградная».

Ева поднялась на второй этаж, достала ключи. Замок щелкнул — этот звук всегда действовал на неё успокаивающе. Замок означал: ты дома. Здесь тебя никто не тронет. Здесь ты в безопасности.

Она вошла в прихожую и тут же наступила на что-то мягкое и теплое.

— Мяу, — сказала нечто под ногами.

— Зара, — вздохнула Ева, включая свет. — Ты опять сидишь у двери, как собачка.

Зара — рыжая, наглая, беспощадная кошка весом в шесть килограмм — потерлась об её ноги и требовательно загля-

нула в глаза. В её взгляде читался немой упрёк: «Ты где ходила? Миски полупусты. Я умираю с голоду. Я вызову правозащитников».

— Сейчас, сейчас, — Ева прошла на кухню, открыла банку с кормом. Зара тут же начала есть, издавая довольные чавкающие звуки.

Кухня у Евы была маленькая, но уютная. На стенах — полки с книгами по искусству, на подоконнике — герань в глиняных горшках, на столе — скатерть, которую она вышила сама еще в институте. Здесь пахло кофе, лавандой и чем-то ещё — тем самым неуловимым запахом дома, который невозможно купить в магазине.

Ева налила себе вина — дешевого, местного, в стеклянной бутылке без этикетки, которое продавала тетя Нина с рынка — и села у окна. Окно выходило во двор, где рос старый инжир, а под ним стояли две скамейки. На одной сейчас сидели двое — парень и девушка, обнявшись. Парень что-то тихо говорил, девушка смеялась, запрокидывая голову.

Ева смотрела на них и чувствовала странную, щемящую тоску. Не по любви — она давно перестала верить в эту сказку. А по тому времени, когда она сама могла вот так сидеть, обнявшись, и думать, что впереди — целая жизнь, полная света и возможностей.

Ей было тридцать четыре. За плечами — неудачный брак, который закончился четыре года назад, разбитая мечта о собственной мастерской, мать в другом городе, которая каж-

дые выходные звонила и спрашивала: «Ну когда ты уже выйдешь замуж, Ева? Часы тикают!» И была работа — хорошая, любимая, но такая, которая не давала ни денег, ни стабильности. Реставратор в частной мастерской — это тебе не нефтяная вышка.

Она допила вино, помылась в ванной — долго, пока вода не стала холодной — и легла в кровать. Зара тут же запрыгнула рядом, уткнулась носом ей в плечо и замурлыкала.

Ева закрыла глаза.

Сон не шел. В голове крутились обрывки: мозаика, синие крылья, лицо Глеба — усталое, внимательное, с морщинками у глаз. «Вы что-то скрываете, Линская?» — сказал он. А она и правда что-то скрывала. Только не то, что он думал.

Она скрывала, что узнала эту бабочку.

Не саму морфо — таких бабочек тысячи. А булавку. Тонкую, серебряную, с круглой головкой. Такую же булавку она видела однажды — очень давно, лет пятнадцать назад, в альбоме матери. Мать тогда показывала ей старые фотографии из своего детства, и там была фотография какой-то женщины — красивой, с темными волосами и странными, печальными глазами. На платье у женщины была приколотая точно такая же булавка. А рядом, на столе, лежала... Ева не могла вспомнить. Что-то крылатое. Бабочка? Мотылек?

Она села на кровати, сердце заколотилось. Зара недовольно мяукнула.

— Тихо, тихо, — прошептала Ева.

Она встала, прошла в комнату, достала с верхней полки пыльную коробку. В этой коробке хранилось всё, что осталось от её детства: школьные тетради, письма, фотографии. Ева перебрала их дрожащими руками. И вот она — выцветшая, пожелтевшая фотография. Женщина в платье с высоким воротником. И на столе рядом с ней — действительно бабочка. Не морфо, а совсем другая — с коричневыми крыльями, в тонкой рамке под стеклом. А на груди у женщины блестит... Ева поднесла фотографию к лампе. Да. Та самая булавка. С круглой головкой.

Кто эта женщина? Мать говорила, что это её троюродная тетя, которая жила когда-то на юге и умерла молодой. Умерла... как? Мать никогда не рассказывала. Всегда уходила от ответа, если Ева спрашивала.

Ева убрала фотографию обратно в коробку и снова легла. Теперь сон точно не пришел. Она лежала, смотрела в потолок, на котором в свете уличного фонаря плясали тени от веток инжира, и думала о том, что мир, который она знала, только что дал трещину. Тонкую, еле заметную. Но реставратор Ева Линская знала: такие трещины со временем расползаются, и тогда уже ничего не спасти.

Глава 4. Управляющая, которая не плакала

Глеб Ковригин не спал всю ночь.

Это не было чем-то необычным — он вообще спал мало, по привычке, выработанной еще в университете, когда сессии накладывались на работу в частном охранном агентстве.

Но сегодня бессонница была особенной. Она была липкой, тяжелой, с привкусом железа во рту.

Он сидел у себя в кабинете — маленьком, заставленном папками, с видом на море из единственного окна — и смотрел на доску, которую успел собрать к утру.

На доске — фотография Виктора Павловича Громова. Рядом — список родственников (официально: бывшая жена, дочь от первого брака, проживающая в Москве). Список деловых партнеров (длинный, с пометками «проверить», «возможно, конфликт», «долг»). Список врагов (еще длиннее).

И в центре доски — фотография бабочки, сделанная криминалистами. Синяя морфо. И рядом — рисунок лепестка жасмина, найденного в бокале.

— Что ты хотел сказать, Витя? — пробормотал Глеб, глядя на фото Громова. Тот смотрел с фотографии уверенно, нагло, с легкой усмешкой. Типичное лицо человека, который привык, что мир крутится вокруг него.

В дверь постучали.

— Заходи, — бросил Глеб.

Вошел Соколов — свежий, выбритый, в наглаженной рубашке. У Соколова была привычка выглядеть так, будто он только что вышел из рекламы мужского журнала, даже если до этого он двенадцать часов копался в мусорных баках.

— Глеб Сергеевич, управляющая приехала. Та, что с виллы. Зинаида Петровна Белова.

— Зови.

Соколов вышел и через минуту вернулся с женщиной лет пятидесяти, плотной, с седыми волосами, собранными в тугой пучок, и лицом, которое, казалось, было высечено из гранита. Она вошла в кабинет так, будто шла не на допрос, а на планерку к начальству.

— Здравствуйте, Зинаида Петровна, — Глеб встал, указывая на стул. — Садитесь.

— Здравствуйте, — женщина села, положила на колени черную сумку и посмотрела на Глеба спокойным, выжидающим взглядом. Ни слез, ни дрожи в голосе. Ни даже тени потрясения.

Глеб удивился. Обычно люди, которые работали на убитого годами, либо рыдали, либо начинали нервно оправдываться. А эта — сидела как скала.

— Вам сообщали о смерти Виктора Павловича? — спросил он.

— Да. Мне позвонили утром из полиции. Я приехала с дачи.

— И как вы отнеслись к этой новости?

Женщина чуть приподняла бровь.

— Как к новости. Виктор Павлович был моим работодателем. Я работала на него двенадцать лет. Он был... непростым человеком. Но я уважаю мертвых.

— Вы не плачете, — заметил Глеб.

— Я отплакала свое давно, следовательно. — В её голосе впервые прорезалась какая-то сталь. — У меня двое взрос-

лых сыновей. Один в тюрьме, второй пьет. Я научилась не тратить слезы зря.

Глеб кивнул. Ему понравилась эта женщина. Прямая, без соплей. С ней можно говорить по делу.

— Хорошо. Тогда по делу. Где вы были вчера с трех до пяти часов дня?

— На даче. В поселке Зеленогорское, это сорок километров отсюда. Я уехала туда в пятницу, планировала вернуться в понедельник. Виктор Павлович отпустил меня на выходные — сказал, что будет один, ему нужно поработать.

— Кто-то может это подтвердить?

— Соседка, Нина Ильинична. Мы вместе ходили в субботу на рынок. А вечером я была одна.

— Телефон?

— Был при мне. Вот, — она достала телефон, положила на стол. — Можете посмотреть.

Глеб взял телефон, пролистал звонки. Действительно, в субботу был звонок от Нины Ильиничны, в воскресенье — от сына. Ни одного пропущенного. Ни одного подозрительного.

— Зинаида Петровна, а ключи от виллы у кого были?

— У меня один комплект. У Виктора Павловича второй. И третий — запасной — лежал в сейфе в его кабинете. Код от сейфа знал только он.

— То есть вчерашний убийца мог попасть внутрь только через окно? Или... у него был ключ.

— Или он прошел вместе с кем-то, у кого был ключ, — тихо сказала Белова. — Виктор Павлович вчера ждал гостя.

Глеб насторожился.

— Откуда вы знаете?

— Он мне позвонил в субботу вечером. Сказал: «Зинаида, не планируйте ничего на воскресенье, я жду важного человека. Возможно, останусь с ним до вечера». Я спросила, готовить ли ужин. Он сказал: «Не надо. Мы будем одни».

— И кто это был?

— Не сказал. Только... — она запнулась. — Только странно пошутил.

— Какую шутку?

Белова посмотрела на Глеба прямо.

— Он сказал: «Зинаида, если завтра со мной что-то случится — не удивляйся. Я получил то, что заслужил».

В кабинете повисла тишина. Где-то за окном кричала чайка.

— И вы не сообщили об этом сразу? — голос Глеба стал жестким.

— А что я должна была сообщить? — огрызнулась Белова. — Что мой работодатель, который всю жизнь водил деловые отношения с чертом, пошутил про свою смерть? Я подумала, он выпил. Или устал. Виктор Павлович часто так говорил — образно, с черным юмором.

Глеб поверил. Действительно, такие люди, как Громов, часто говорили такие вещи. И редко умирали от них. Обычно

они умирали совсем от другого.

— Хорошо. Еще вопрос. Вы знали, что Виктор Павлович коллекционирует бабочек?

Лицо Беловой впервые изменилось. На нем мелькнуло что-то — удивление? Испуг? — и тут же исчезло.

— Нет, — сказала она. — Не знала.

— А жасмин? Он увлекался цветами?

— Нет. Виктор Павлович не любил цветы. Говорил, что они пахнут кладбищем.

Глеб откинулся на спинку стула. Получалось, что убийца принес с собой и бабочку, и жасмин. Это был его почерк. Его подпись.

— Зинаида Петровна, последнее. Вы не знаете, была ли у Виктора Павловича сестра?

— Сестра? — Белова нахмурилась. — Нет. Никогда не упоминал. А что?

— Так, просто проверяю, — Глеб закрыл папку. — Спасибо. Если вспомните что-то еще — звоните.

Белова встала, кивнула и вышла. Глеб смотрел ей в спину и думал о том, что эта женщина что-то недоговаривает. Не про убийство — он верил, что она действительно была на даче. А про самого Громова. Про его жизнь. Про то, что он скрывал от всех, даже от той, кто работала на него двенадцать лет.

Он набрал номер Соколова.

— Славик, пробей мне сестер Виктора Громова. Всех.

Родных, двоюродных, сводных. И еще — найди мне энтомолога. Специалиста по бабочкам. Нам нужно понять, откуда у убийцы эта морфо. Такие вещи просто так не покупаются на рынке.

— Есть, Глеб Сергеевич.

Глеб положил трубку и посмотрел на доску. Он чувствовал, что разгадка где-то рядом. Как запах жасмина, который не удастся уловить, но знаешь, что он есть.

А в это самое время, в квартире на улице Виноградной, Ева Линская сидела на кухне, смотрела на фотографию незнакомой женщины и пила холодный кофе, понимая, что её тихая жизнь закончилась навсегда.

Глава 5. Кофе, который горчит

Утро следующего дня началось с того, что Ева проснула от звонка в дверь.

Она открыла глаза, не понимая, где находится. Солнце уже заглядывало в окно, Зара сидела на подоконнике и смотрела на двор с видом философа, обдумывающего смысл бытия. В голове гудело — после вчерашнего вина и бессонной ночи.

Звонок повторился. Нетерпеливо, требовательно.

Ева накинула халат, босиком прошлепала в прихожую. На пороге стоял Глеб. Тот самый, из вчерашнего дня. Только сегодня он выглядел еще более усталым, чем вчера. Под глазами — темные круги, рубашка помята, в руке — стаканчик с кофе.

— Доброе утро, — сказал он. — Извините за ранний визит. Можно войти?

Ева моргнула, соображая. Восемь утра. Следовательно у её двери. С кофе. Это либо очень хорошо, либо очень плохо.

— Заходите, — она отступила, пропуская его. — Только у меня не убрано.

— У меня тоже, — Глеб прошел на кухню, поставил стаканчик на стол. — Вам кофе. Двойной эспрессо. Я подумал, вы не спали.

Ева посмотрела на него с удивлением.

— Откуда вы знаете?

— Интуиция, — Глеб сел, достал блокнот. — И еще потому, что у вас глаза, как у человека, который видел призрак.

Ева налила себе кофе, села напротив. Кофе был горячий, крепкий, горький. Именно такой, какой был нужен.

— Я нашла фотографию, — сказала она вдруг. Сама от себя не ожидая.

Глеб поднял брови.

— Какую фотографию?

Ева встала, принесла коробку из комнаты, достала выцветший снимок. Положила на стол.

— Это моя троюродная тетя. По материнской линии. Мать говорила, что она жила когда-то на юге и умерла молодой. Смотрите — на груди булавка. Такая же, как на Громе.

Глеб наклонился, рассмотрел фотографию. Его лицо изменилось — стало сосредоточенным, напряженным.

— Откуда вы знаете, как выглядела булавка на Громе? Мы не публиковали эту деталь.

Ева замерла. Она и правда не подумала об этом.

— Я... я видела её. На вилле. На его груди.

— А вы уверены, что это та же самая булавка? Может, это просто похожая модель?

— Уверена, — Ева посмотрела ему в глаза. — Я реставратор, Глеб Сергеевич. Я замечаю детали. У этой булавки головка не круглая, а слегка овальная. И на ней есть крошечная царапина — как будто её делали вручную. Я видела эту царапину вчера. И она есть здесь.

Глеб молчал. Он смотрел на фотографию, потом на Еву, потом снова на фотографию.

— Как звали вашу тетю? — спросил он наконец.

— Мать не помнила. Сказала, что её звали... кажется, Анна. Анна... фамилию не помню. Она умерла, когда мать была еще девочкой.

— А где она жила?

— Где-то здесь, на побережье. Мать говорила, что в каком-то большом доме. Но это было так давно...

Глеб взял телефон, набрал номер.

— Славик, найди мне информацию об одной женщине. Звали, возможно, Анна. Жила на нашем побережье лет сорок-пятьдесят назад. Умерла молодой. И еще — пробей все старые дела о смерти с участием женщин по имени Анна за последние пятьдесят лет. Особенно те, где фигурировали ба-

бочки или странные обстоятельства.

Он положил трубку и посмотрел на Еву.

— Вы понимаете, что это значит?

— Что убийца знает мою семью? — тихо спросила она.

— Или что ваша семья связана с Грозовым. Каким-то образом.

Ева почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она всегда считала себя обычным человеком. Без тайн, без скелетов в шкафу. А теперь выясняется, что где-то в её роду есть женщина, которая, возможно, была связана с убитым бизнесменом и умерла при странных обстоятельствах.

— Глеб Сергеевич, — она сглотнула. — А почему вы мне это говорите? Вы могли бы просто забрать фотографию и уйти.

Он посмотрел на неё долго, внимательно. И вдруг улыбнулся — чуть-чуть, одними уголками губ.

— Потому что, Ева, вы единственный человек, который видит то, что не видят другие. И потому что... — он запнулся. — Потому что мне кажется, что вы в опасности. И я не хочу, чтобы вы были одна.

Ева почувствовала, как краснеет. Ей, тридцатичетырёхлетней женщине, которая давно разучилась краснеть, вдруг стало жарко. Она отвернулась, делая вид, что мешает кофе.

— Я не одна, — сказала она. — У меня Зара есть.

Глеб рассмеялся. Впервые за все время их знакомства. Смех у него был тихий, хриплый, но настоящий.

— Зара — это хорошо. Но Зара не сможет защитить вас от того, что идет из прошлого.

За окном шумел инжир. Зара на подоконнике лениво зевнула, показав розовый язык. А Ева смотрела на следователя, который пил у неё на кухне дешевый кофе из стаканчика, и думала о том, что жизнь иногда подкидывает такие повороты, что ни один сценарист не придумает.

И где-то далеко, на вилле «Лазурный берег», закрытой теперь полицейской лентой, в пустом зимнем саду на мозаичном полу лежала одна крошечная смальтовая деталь, которую не заметили криминалисты. Маленький камешек, выпавший из узора. Но Ева, если бы увидела его, сразу бы поняла: это не случайность. Это — подпись.

Глава 6. Дорога, которая сближает

Ева терпеть не могла просить у матери помощи.

Мать — Людмила Сергеевна Линская — была женщиной, которая в свои шестьдесят два года выглядела на пятьдесят, а вела себя на сорок пять. Она красила волосы в цвет «спелая вишня», носила яркие шелковые платья и каждый год в августе приезжала к Еве «на море», чтобы «подышать йодом и посмотреть, не худеет ли её дочка».

Людмила Сергеевна жила в соседнем городе — в часе езды по серпантину, который вился вдоль берега, как пьяная змея. Она жила в маленькой двухкомнатной квартире в старом районе, где окна выходили на рынок, и каждое утро начиналось с запаха свежего лаваша и жареной рыбы.

Ева не хотела ехать к ней. Не хотела, чтобы мать увидела её вот такой — с красными глазами, с дрожью в руках, с ощущением, что земля ушла из-под ног. Людмила Сергеевна обладала даром за одно чаепитие превратить любую проблему в катастрофу вселенского масштаба, а любую катастрофу — в повод для того, чтобы выдать дочь замуж.

— Ну вот, доченька, я же тебе говорила! — сказала бы она. — Не ходи ты к этим богачам! Не твоего это ума дело! Выходи ты уже за Сережу, он хороший парень, с машиной...

Но выбора не было. Глеб был прав: если на старой фотографии была та самая булавка, а мать что-то знала про тетю Анну — нужно ехать. И ехать сейчас.

— Я подвезу, — сказал Глеб, когда они вышли из её подъезда. — Моя «Нива» не бог весть что, но кондиционер работает.

— У вас есть кондиционер? — удивилась Ева.

— В «Ниве»? — Глеб усмехнулся. — Нет. Но я открываю все окна, и на скорости сорок километров в час это почти то же самое.

Ева рассмеялась. Впервые за последние сутки. Смех получился хрупким, как тонкое стекло, но всё же.

«Нива» и правда была выдавшей виды. Сиденья потрескались, на панели лежала стопка каких-то папок, под сиденьем водителя — пустая бутылка из-под воды и мятые салфетки. Но пахло машиной приятно — табаком, кофе и чем-то древесным.

— Это ваш личный аромат? — спросила Ева, пристегиваясь.

— Аромат следователя, — Глеб завел мотор, и машина вздрогнула, как старый конь. — Смесь дешевого кофе, пыли и отчаяния.

Они выехали на трассу. Море было слева — ослепительно синее, сверкающее на солнце, как рассыпанное стекло. Справа поднимались горы, поросшие желтой травой и редкими соснами. Воздух влетал в открытые окна, трепал Еве волосы, приносил запах полыни и разогретой земли.

— Вы давно работаете следователем? — спросила она, чтобы заполнить тишину.

— Пятнадцать лет, — Глеб переключил передачу. — Начинал в городе, потом перевелся сюда. Говорили: «Ковригин, ты с ума сошел, на юге же жить хорошо!» А я подумал: где хорошо, там и не интересно.

— Вам не нравится здесь?

Глеб помолчал, глядя на дорогу.

— Нравится. Море, солнце, люди... Люди здесь другие. Они медленнее. Злее. И добрее одновременно. Как южный ветер — может обжечь, а может и приласкать.

Ева посмотрела на него. В профиль он казался старше, чем был. У висков — серебристые нити, вокруг рта — глубокие складки. Но глаза были живые, внимательные. Такие глаза, которые видят больше, чем говорят.

— А семья у вас есть? — спросила она вдруг. И тут же

пожалела. Зачем? Это же не её дело.

Но Глеб не обиделся. Он даже как будто расслабился.

— Была. Жена. Дочь. Дочке сейчас девятнадцать, учится в Питере. С женой развелись... лет семь назад. Она не выдержала. Говорила: «Глеб, ты приходишь домой, как гость. И уносишь с собой часть меня».

— Она была права?

— Наверное, — он усмехнулся. — Я и правда приходил как гость. Со своими мыслями, со своими трупами, со своими запахами. Она пыталась. Готовила ужины, ждала. А я... я не умел возвращаться. У меня внутри всегда было что-то, что не пускало меня домой до конца.

Ева кивнула. Она понимала это чувство. После развода с мужем — Андреем, тихим, интеллигентным архитектором, который ушел к более молодой и более «понимающей» его женщине — она тоже долго не могла вернуться к себе. Квартира казалась чужой. Зара — чужой. Даже собственное отражение в зеркале казалось чужим.

— А вы? — спросил Глеб. — Почему развелись?

Ева вздрогнула. Она не ожидала, что он спросит.

— Он ушел, — сказала она просто. — К другой. Я... я не удержала. Хотя, может, и не хотела удерживать. Мы к тому времени уже давно были как два чужих человека, которые делят одну ванную.

— И вы не жалеете?

— О разводе? — Ева задумалась. — Нет. Жалею о том,

что так долго терпела. О том, что думала: «Вот-вот наладится». Не налаживается, Глеб Сергеевич. Если не налаживается — нужно уходить.

Глеб посмотрел на неё. В его взгляде было что-то новое — не сочувствие, нет. Скорее — уважение.

— Вы правы, — тихо сказал он. — Я вот не ушел вовремя. И потерял всё.

Они замолчали. Машина ехала по серпантину, море сверкало справа, горы поднимались слева. И в этой тишине было больше, чем в сотне слов. Они оба — уставшие, разведенные, с шрамами на душе — вдруг поняли, что они не одни. Что где-то в этом мире есть человек, который понимает, каково это — жить с ощущением, что ты не справился.

— А тетя Анна, — сказала Ева вдруг. — Мать никогда о ней не говорила. Только один раз, когда я была маленькой, обмолвилась: «Не повторяй судьбу тети Анны, дочка». Я тогда подумала, что тетя Анна была плохой женщиной. А теперь...

— Теперь вы думаете, что она была несчастной, — закончил Глеб.

— Да.

Он протянул руку и на секунду положил её на её руку. Легко, как будто случайно. Но Ева почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Не от страха. От чего-то другого. Теплого, незнакомого, пугающего.

— Мы скоро приедем, — сказал он, убирая руку. — Будь-

те готовы. Матери будет непросто.

Ева кивнула. Она была готова. Или думала, что готова.

Глава 7

Чай с вареньем из инжира

Людмила Сергеевна встретила их у двери в шелковом халате цвета фуксии, с уложенными волосами и накрашенными губами. Она выглядела так, будто собиралась на свидание, а не открывала дверь собственной дочери.

— Евушка! — она бросилась обнимать Еву, потом увидела Глеба и замерла. — А это кто?

— Мама, это Глеб Сергеевич. Следователь. По делу.

— По делу? — Людмила Сергеевна мгновенно оценила ситуацию. Высокий, худой, с усталыми глазами. Холостяк, точно холостяк. Жена бы не отпустила его одного с молодой женщиной. — Проходите, проходите. Чай будете? У меня варенье из инжира, в этом году особенно удачное.

Они сели на кухне. Людмила Сергеевна суежилась, ставила чайник, доставала чашки, бросала на Еву взгляды, полные вопросов. Ева молчала. Она ждала, когда Глеб начнет.

— Людмила Сергеевна, — сказал он наконец, когда чай был разлит, а варенье положено. — Мы приехали поговорить о вашей сестре. Анне.

Чайник в руках Людмилы Сергеевны дрогнул. Несколько капель упали на скатерть.

— Откуда вы... — она запнулась. — Кто вам сказал?

— Ева нашла старую фотографию. На ней — женщина с

булавкой. Такая же булавка была на теле убитого человека.

Людмила Сергеевна медленно села. Лицо её побледнело, губы побелели. Она вдруг стала похожа на старую женщину — не на ту яркую, цветущую даму, которая открыла им дверь.

— Анечка... — прошептала она. — Господи, сколько лет...

— Мама, — Ева взяла её за руку. — Расскажи. Пожалуйста. Я имею право знать.

Людмила Сергеевна посмотрела на неё. В её глазах стояли слезы — настоящие, живые слезы, которых Ева не видела с детства.

— Анечка была моей старшей сестрой, — начала она тихо. — Красивая, умная... Все мужчины за ней бегали. А она... она влюбилась. В одного человека. Из богатой семьи. Из семьи Громовых.

Ева ахнула. Глеб наклонился вперед.

— В Лева Громова? — спросил он.

Людмила Сергеевна подняла на него глаза.

— Откуда вы знаете?

— Я проверял. Лев Громов — отец Виктора Павловича.

— Да, — Людмила Сергеевна закрыла лицо руками. — В Льва. Он был... он был не такой, как Витя. Тихий, задумчивый. Анечка работала у них в доме горничной. Ей было девятнадцать, ему — двадцать пять. Они любили друг друга. По-настоящему.

— И что случилось? — спросила Ева.

— Мать Льва узнала. Она была... она была страшная женщина. Сказала: «Никакой горничной в нашей семье не будет». Пригрозила Льву, что лишит его всего. И он... он сломался. Женился на девушке из своего круга. На матери Вити. А Анечку... Анечку он выгнал. Сказал: «Забудь меня. Уезжай. Никогда не возвращайся».

— И она уехала?

— Она осталась, — Людмила Сергеевна горько усмехнулась. — Дурочка моя. Осталась. Работала в пансионате. Худела, бледнела... А потом... потом она познакомилась с одним человеком. Коллекционером. Он увлекался бабочками. Говорил, что каждая бабочка — это душа умершего человека. Анечка ему поверила. Стала помогать ему собирать коллекцию.

— Какой коллекционер? — Глеб достал блокнот.

— Не помню фамилию. Старик. Жил на отшибе. Все его боялись. Говорили, что он сумасшедший. Анечка приходила к нему, помогала препарировать бабочек... А потом... — голос Людмилы Сергеевны сорвался. — Потом её нашли мертвой. В его доме. С булавкой в груди. Официально — самоубийство. Но я... я знала. Это было не самоубийство.

— Почему? — тихо спросил Глеб.

— Потому что Анечка была счастлива в последние недели. Она писала мне письма. Говорила, что нашла смысл. Что помогает старику сохранять души. Она бы не стала себя убивать.

Ева почувствовала, как по спине бежит холод. Булавка. Бабочки. Души умерших.

— Мама, а старик этот... он жив?

Людмила Сергеевна покачала головой.

— Умер. Лет тридцать назад. От старости. Дом его снесли. Все его коллекции... не знаю, что с ними стало.

— А у Виктора Павловича была коллекция бабочек? — спросил Глеб.

— Не знаю, — Людмила Сергеевна пожала плечами. — Я его видела один раз. Лет двадцать назад. Он приходил ко мне, спрашивал про Анну. Я ему всё рассказала. Он посмотрел на меня так... странно. И ушел. Больше не приходил.

Глеб закрыл блокнот.

— Людмила Сергеевна, последнее. Вы не знаете, что стало с коллекцией того старика? Того, у которого работала Анна?

— Не знаю, — она снова заплакала. — Ничего не знаю. Простите меня, дочка. Я должна была тебе рассказать. Но я боялась. Боялась, что ты... что ты повторишь её судьбу.

Ева обняла мать. Та плакала ей в плечо, тихонько всхлипывая. А Глеб смотрел на них и думал о том, что старые раны не заживают. Они просто покрываются коркой, которая в любой момент может лопнуть.

Когда они вышли из квартиры, Ева сказала:

— Это не совпадение. Булавка, бабочки... Кто-то продолжает то, что начал тот старик.

— Да, — Глеб посмотрел на неё серьезно. — И этот кто-

то знает про вашу тетю. И про вас. Ева, вы в опасности.

Она кивнула. Она знала.

Глава

8. Синий морской слизень

Энтомолог Игорь Маркович Вересков жил в маленьком домике на окраине города, в районе, который называли «Птичьей гаванью» — хотя никаких птиц там не было, только старые дачи и заросшие сады.

Глеб позвонил ему в тот же день, когда получил информацию. Вересков оказался старым, ворчливым, но очень умным человеком — одним из последних в стране специалистов по чешуекрылым. Он согласился встретиться, хотя и бурчал: «Следствие! Мне еще только маньяков не хватало для полного счастья».

Глеб поехал к нему один. Еву оставил дома — сказал, что так безопаснее. Она не стала спорить, но он видел в её глазах обиду. Ей хотелось быть рядом. Ей хотелось понять.

Дом Верескова утопал в зелени. У крыльца стояли горшки с какими-то экзотическими растениями, а из открытого окна доносился запах формалина и сушеных трав.

— Заходите, заходите, — ворчал Вересков, открывая дверь. Это был невысокий, худой старик с седой бородой и живыми, бегающими глазами. — Только не топчитесь, у меня тут редкие экземпляры.

Глеб вошел. Дом внутри оказался неожиданно большим. Стены были увешаны шкафами со стеклянными дверцами,

в которых — сотни бабочек. Разных размеров, разных цветов. Некоторые — яркие, как драгоценные камни. Другие — тусклые, серые, почти незаметные.

— Красиво, — сказал Глеб.

— Красиво? — Вересков фыркнул. — Это наука, молодой человек. Каждая бабочка — это вид. Каждый вид — это миллионы лет эволюции. А вы — «красиво».

— Извините. Я по делу.

Глеб достал фотографию морфо.

— Вот. Узнаете?

Вересков надел очки, наклонился.

— Морфо. Menelaus. Обычная, впрочем, бабочка. Но... — он прищурился. — Странно.

— Что странно?

— Она препарирована. Очень аккуратно. Профессионально. Но крылья... крылья развернуты не так, как принято. Обычно их разворачивают симметрично. А здесь... здесь правое крыло чуть приподнято. Как будто... как будто она машет.

— Что это значит?

— Ничего. Просто... почерк. У каждого энтомолога свой почерк. Этот... этот делал кто-то с художественным образованием. Или с большим опытом.

— А булавка? — Глеб показал фотографию булавки.

Вересков побледнел.

— Откуда у вас это?

— С места преступления.

— Это... это работа Анны, — прошептал старик. — Анны Линской. Моя помощница. Пятьдесят лет назад.

Глеб замер.

— Вы знали её?

Вересков сел в кресло, тяжело, как старый мешок.

— Знаю. Я... я её убил.

Глеб схватился за пистолет.

— На месте! Руки!

— Да успокойтесь вы, — Вересков махнул рукой. — Не я в прямом смысле. Я её... я её сломал. Она пришла ко мне, бедная, влюбленная, разбитая. Я взял её в помощницы. Научил препарировать. Она была талантлива. Очень талантлива. Но я... я был жесток. Я требовал от неё невозможного. Она работала до изнеможения. А потом... потом она влюбилась в одного из моих учеников. Молодого парня. И он... он её бросил. А я... я не поддержал. Сказал: «Забудь. Работай». И она... она не выдержала. Приняла яд. А я... я нашел её утром. С булавкой в груди. Я не стал вызывать полицию. Я сам... сам всё устроил. Как самоубийство. Мне было стыдно. Я думал, если признаюсь — меня посадят. А она... она бы хотела, чтобы её помнили как сильную.

Глеб слушал и чувствовал, как внутри всё холодеет.

— А булавка?

— Её булавка. Она делала их сама. Из серебра. Для каждой бабочки — свою. Говорила, что так душа будет привя-

зана к крыльям.

— И что стало с её коллекцией?

Вересков посмотрел на него долго, печально.

— Я её спрятал. В подвале. Все эти годы она там. Я не мог её выбросить. Но и показать... не решился.

— Покажите.

Они спустились в подвал. Там, в пыльных шкафах, стояли десятки рамок с бабочками. И на каждой — серебряная булавка с овальной головкой.

— Это всё её работа? — спросил Глеб.

— Да.

Глеб достал телефон, позвонил Соколову.

— Славик, приезжай. И группу. У нас... у нас новое дело. Старое дело. Не знаю пока.

Он повернулся к Верескову.

— Игорь Маркович, вы понимаете, что кто-то нашел вашу коллекцию? И использует её?

Старик покачал головой.

— Не понимаю. Кто? Зачем?

— Не знаю, — Глеб посмотрел на бабочек. — Но я найду.

Они поднялись наверх. Глеб сел на стул, достал блокнот.

— Игорь Маркович, а морфо... которую нашли на убитом... она из вашей коллекции?

Вересков подошел к шкафу, посмотрел.

— Нет. Этой бабочки здесь нет. Но... — он нахмурился.

— Но она сделана в той же технике. Тем же человеком. Или...

кем-то, кто учился у Анны.

Глеб почувствовал, как внутри закипает злость. Кто-то украл технику Анны. Кто-то использует её булавки. Кто-то убивает.

— Игорь Маркович, — сказал он тихо. — Вы уверены, что больше никто не знал про коллекцию?

— Уверен. Я... я никому не говорил.

— А ключи от подвала?

— Только у меня. И... — он запнулся. — И у моей внучки. Она иногда приходит, помогает мне.

— Где она сейчас?

— Не знаю. Должна была прийти сегодня.

Глеб встал.

— Звоните ей. Срочно.

Вересков достал телефон, набрал номер. Гудки. Долгие гудки. Никто не брал.

— Внучка! — сказал он. — Маша. Машенька.

Глеб уже бежал к двери.

— Вызывайте подкрепление! — крикнул он в телефон. — Адрес...

И в этот момент он услышал. Тихий, почти деликатный звук. Как будто кто-то уронил на пол стеклянную банку.

Он развернулся и побежал обратно в дом. В гостиной, на полу, лежал Вересков. Лицом вниз. Рядом — разбитая банка с формалином. А на спине старика, прямо между лопаток, была приколотая булавка. С овальной головкой.

А на булавке — сидела бабочка. Не морфо. А совсем дру-
гая. Маленькая, серо-голубая, с тонкими, как паутинки, уси-
ками.

Глеб опустил на колени. Руки его дрожали.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет...

Он достал телефон, набрал номер Евы.

— Ева, — сказал он, когда она ответила. — Не выходите
из дома. Заприте дверь. Я сейчас приеду.

— Что случилось? — её голос был испуганный.

— Убили еще одного. И... Ева, это не конец. Это только
начало.

Он положил трубку и посмотрел на бабочку на спине
мертвеца. Она смотрела на него своими крошечными, ни-
чего не видящими глазами. И Глеб понял: убийца играет с
ним. Убийца знает каждый его шаг. И убийца — где-то очень
близко.

Глава 9. Девочка с пустыми глазами

Ева сидела на кухне и смотрела, как закипает чайник. Чай-
ник был старый, эмалированный, с отбитым носиком, кото-
рый Ева давно собиралась заменить, но так и не заменила —
потому что старый чайник умел свистеть, а новый, электри-
ческий, молчал, как партизан. И в этом свисте было что-то
живое, домашнее, настоящее.

За окном уже темнело. Августовский вечер опускался на
город медленно, неохотно, как гость, который не хочет ухо-
дить. Небо было розово-оранжевым, и в этом свете даже

уродливые балконы соседних домов казались красивыми. Зара спала на подоконнике, свернувшись в рыжий бублик, и изредка подёргивала ухом — наверное, ловила во сне мышей.

Глеб позвонил в дверь ровно в восемь. Ева открыла, и сердце её сжалось: он выглядел так, будто за последние два часа постарел на пять лет. Губы сжаты в тонкую линию, глаза — красные, на рубашке — пятно от формалина, пахнущее химией и смертью.

— Проходи, — сказала она тихо. — Я чай заварила.

Он вошёл, сел за стол, не снимая ботинок. Обычно Ева бы возмутилась — она была педантична в вопросах чистоты, — но сейчас она просто посмотрела на его руки. Руки дрожали. Крупная, заметная дрожь, которую он пытался скрыть, сжав кулаки.

— Глеб, — она села напротив. — Ты в порядке?

Он посмотрел на неё. И в этом взгляде было столько усталости, столько боли, что Ева вдруг поняла: он не «следователь Ковригин». Он просто человек. Который сегодня во второй раз за двое суток увидел мёртвое тело. Который не смог никого защитить.

— Нет, — сказал он честно. — Не в порядке. Я приехал к нему за помощью, Ева. За советом. А он... — Глеб сглотнул. — Он лежал на полу. С бабочкой на спине. Маленькой, серой. Я даже не знаю, как она называется.

Ева молча встала, подошла к нему и обняла. Просто об-

няля, без слов, прижав его голову к своему плечу. Он не отстранился. Наоборот — его плечи чуть опустились, как будто он наконец позволил себе снять невидимый груз. Так они сидели минут пять. Чайник свистел, потом замолк. Зара открыла один глаз, посмотрела на них, зевнула и снова уснула.

— Прости, — сказал он наконец, отстраняясь. — Я не должен...

— Должен, — перебила она. — Все должны иногда плакать. Даже следователи.

Он криво улыбнулся.

— Я не плакал.

— Я знаю. Но мог бы. И это тоже считается.

Он выпил чай. Ева подлила. Они сидели молча, и в этом молчании было больше близости, чем в любых словах.

Потом Глеб заговорил.

— Вересков сказал, что у него есть внучка. Маша. Она иногда приходила, помогала ему с коллекцией. У неё ключи от подвала. Я звонил ей весь вечер — не берёт трубку. Соколов ищет.

— Думаешь, она...

— Не знаю. Может, она жертва. Может, она сбежала. А может... — он не договорил.

— А может, она и есть убийца, — закончила Ева.

Глеб кивнул.

— Ева, мне нужна твоя помощь. Не как свидетеля. Как... специалиста. Ты видишь вещи, которые я не вижу. Ты чита-

ешь слои. Мне нужно, чтобы ты посмотрела на коллекцию Верескова. Не на бабочек — на рамки. На булавки. На всё, что окружает.

Ева почувствовала, как внутри загорается маленький огонёк. Не страх — интерес. Профессиональный интерес реставратора, который видит повреждённую фреску и знает: её можно спасти. Нужно только найти, с какого слоя начать.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра.

— Завтра, — согласился Глеб.

Он ушёл в десять вечера. Ева заперла за ним дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Сердце стучало где-то в горле. Она чувствовала запах его одеколона — дешёвого, с нотками табака — и этот запах почему-то не раздражал, а успокаивал.

«Стоп, — сказала она себе. — Стоп, Ева. Ты не для этого здесь. Ты — свидетель. Он — следователь. Между вами — закон, этика и труп».

Зара мяукнула, требуя еды. Ева пошла кормить кошку, и мир снова стал обычным.

Утром следующего дня Маша нашлась.

Соколов обнаружил её на автовокзале. Она сидела на скамейке, с рюкзаком на коленях, и смотрела в одну точку. Девушке было двадцать два года, но выглядела она на шестнадцать: худая, с бледным лицом, коротко стриженная, в огромной чёрной футболке, которая висела на ней, как на вешалке. Глаза — серые, пустые, как стёкла заброшенного дома.

Глеб привёз её к Еве. Почему к Еве? Потому что в управлении было слишком холодно, слишком официально, а Маша, по словам Соколова, «замыкалась, как устрица, при виде любого мундира». Ева же была «гражданской». Нейтральной территорией.

— Это Маша, — сказал Глеб, вводя девушку в квартиру. — Маша Верескова. Внучка Игоря Марковича.

Маша стояла в прихожей и не двигалась. Она смотрела на Еву долгим, изучающим взглядом, как будто оценивала её на пригодность.

— Здравствуйте, Маша, — Ева улыбнулась. — Проходите. Хотите чаю? У меня есть варенье из инжира.

Маша молча прошла на кухню, села на самый край стула, как будто была готова в любую секунду вскочить и убежать.

— Ваш дедушка... — начал Глеб.

— Мёртв, — сказала Маша. Голос у неё был тихий, плоский, без единой интонации. — Я знаю. Мне позвонил ваш участковый.

— Вы не плачете, — заметил Глеб.

Маша подняла на него глаза.

— Я отплакала вчера. Когда не смогла дозвониться. Я знала, что если он не берёт трубку — значит, всё.

— Почему?

— Потому что он всегда брал трубку. Всегда. Даже в три часа ночи. Даже когда спал. Он говорил: «Машенька, я всегда на связи. Потому что ты — единственное, что у меня

осталось».

В её голосе впервые появилась трещина. Тонкая, едва заметная, но Ева её слышала. Как реставратор слышит, как трещит старая краска.

— Маша, — Ева села рядом. — Ты можешь рассказать, зачем ты ходила к дедушке в подвал?

— Помогала ему. С коллекцией. Он уже старый, руки трясутся. А бабочки... бабочки хрупкие. Одно неверное движение — и крыло сломано. Навсегда.

— Ты сама препарировала бабочек?

Маша посмотрела на Еву. Впервые в её глазах появилось что-то живое — удивление, смешанное с подозрением.

— Вы знаете, что такое препарировать?

— Я реставратор. Я работаю с мозаиками, фресками, деревом. Знаю, каково это — держать в руках что-то древнее и хрупкое.

Маша чуть расслабилась. Едва заметно — только плечи опустились на сантиметр.

— Да. Я препарировала. Дед научил меня. Ещё когда мне было двенадцать. Говорил, что у меня «золотые руки». Как у... — она запнулась.

— Как у Анны? — тихо спросила Ева.

Маша вздрогнула. Вся её хрупкая фигура напряглась, как струна.

— Откуда вы знаете про Анну?

— Моя троюродная тётя. Анна Линская.

Маша смотрела на Еву. Долго. И вдруг в её глазах появилось что-то, чего Ева не ожидала. Не страх. Не злость. Узнавание.

— Дед рассказывал про неё, — сказала Маша. — Говорил, что она была лучшей. Что никто больше не умел так работать с булавками. Что каждая её булавка — это маленькое произведение искусства. Он хранил её инструменты. До сих пор. В подвале, в отдельной шкатулке.

— Инструменты Анны? — Глеб наклонился вперёд. — Они всё ещё там?

— Да. Дед никогда их не трогал. Говорил: «Это святыне вещи».

— Маша, — Глеб говорил мягко, но настойчиво. — Кто ещё знал про эти инструменты? Про шкатулку?

— Никто. Только я и дед.

— А про коллекцию? Про бабочек Анны?

Маша замолчала. Она смотрела на свои руки — тонкие, с коротко остриженными ногтями, на указательном пальце — маленький порез, затянутый корочкой.

— Был один человек, — сказала она наконец. — Лет пять назад. Приходил к деду. Спрашивал про Анну. Про коллекцию. Дед его выгнал. Сказал: «Больше не приходи». Но он... он приходил ещё. Несколько раз. Потом перестал.

— Как он выглядел? — Глеб достал блокнот.

— Высокий. Худой. С бородкой. Носил очки в тонкой оправе. Говорил тихо, вежливо. Но дед его боялся. Я видела.

Дед никого не боялся, а его — боялся.

— Имя?

— Не помню. Дед называл его... «Тот, кто собирает тени». Я думала, он шутит.

Ева и Глеб переглянулись. «Тот, кто собирает тени». Звучало как название плохого детектива. Но в контексте всего, что происходило, это не было шуткой.

— Маша, — Ева взяла девушку за руку. Рука была холодная, как лёд. — Ты можешь пожить у меня. Пока мы не разберёмся. Тебе нельзя одной.

Маша посмотрела на неё. И вдруг, без всякого перехода, заплакала. Тихо, беззвучно, слёзы текли по бледным щекам, падали на чёрную футболку. Зара тут же проснулась, прыгнула с подоконника и подошла к Маше. Потёрлась об её ногу. Маша опустила руку и погладила кошку.

— Спасибо, — прошептала она.

Глеб встал.

— Я поеду на виллу. Нужно ещё раз осмотреть кабинет Громова. Возможно, там есть что-то, что мы пропустили.

— Я с тобой, — сказала Ева.

— Нет. Ты остаёшься с Машей.

— Глеб, я не ребёнок. И я не хрупкая ваза.

— Ты — свидетель, — он посмотрел на неё твёрдо. — И ты мне нужна живой. Поняла?

Она не ответила. Только кивнула. Но внутри у неё что-то сжалось. Не обида. Страх за него. Станный, непривычный,

острый. Она боялась, что он уедет и не вернётся. Как Анна. Как Вересков.

Глава 10. Жасмин на подушке

Зинаида Петровна Белова умерла в четверг утром.

Её нашла соседка по даче — та самая Нина Ильинична, которая подтверждала её алиби. Нина Ильинична пришла одолжить спички (газовая конфорка не зажигалась) и увидела Зинаиду в саду, на скамейке под яблоней.

Зинаида сидела прямо, как всегда. Спина ровная, руки сложены на коленях. На ней было то самое чёрное платье, в котором она приходила на допрос к Глебу. Лицо — спокойное, почти умиротворённое. Если бы не один нюанс: Зинаида не дышала.

И на её груди, прямо на чёрной ткани, лежала бабочка. Третья. На этот раз — крупная, бархатисто-чёрная, с двумя ярко-красными пятнами на нижних крыльях. Приколота серебряной булавкой с овальной головкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.